

*Светлана
Замелова*

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ КЛАССИЧЕСКОЙ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Димчо Дебелянов

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ

Вспоминаю тебя как любимую книгу –
день и ночь предо мною раскрыта она...
Средь лучей и цветов наслаждаюсь сполна,
безразличен я к мраку и к зимнему игу.

Там мечты пробуждает любая строка,
в свете солнца тону – золотом, необъятном,
ты ко мне прилетишь ветерком ароматным
и останешься рядом со мной на века.

Будем жить мы в стране, где покой не смущала
ни пустая молва, ни глухая печаль;
наши чувства прозрачны как горный хрусталь,
и в коронах из звёзд вечность нас обвенчала.

Средь лучей и цветов наслаждаюсь сполна,
не подвластна душа страха тёмного игу...
Вспоминаю тебя как любимую книгу,
день и ночь предо мною раскрыта она...

УГАСАЮЩИЕ ЗВУКИ

I

Толпятся годы за спиной, притихшие
как призраки с тоской в пустых очах –
бесцельные мечты, мечты погибшие
в томлении о солнечных лучах.

Лишь изредка – на миг – доступен сладостный
дух мая, с ним – жемчужная роса,
и снова слёзы, снова путь безрадостный,
рыдания и в тучах небеса.

II

Скорбь надо мной простёрла свои крылья –
влекусь тропой тоски, судьбу кляня,
и счастье никогда не станет былью,
и нечему утешить здесь меня.

А как мечталось, будто покорится
нам радости немая высота,
и воспарим с тобою, словно птицы,
над пропастью, где смрад и суета!..

III

Нахлынув властно, унеслась
последней радости волна,
и между нами расплзлась
неудержимо тишина.

Мой зов к тебе заглох давно,
ему во тьме судьба пропасть,
любви исчезнуть суждено,
сгорает пламенная страсть.

IV

В глаза твои смотрел, миг улучив,
о дивная весна, о красота!
Я о любви твоей давно мечтал,
о том, что чувства будут горячи.

И радости объяла полнота –
я слышал лишь, как голос твой звучит:
– Приди, вот и зажглись твои лучи,
и счастья золотого день настал.

РАСПУТЬЕ В БУДУЩЕЕ

Посреди непрестанной борьбы
на урочном распутии святом
никому не уйти от судьбы.
И сойдутся своим чередом

два влечения. А голос трубы
их во мрак позовёт. Но потом

Вдруг объявит одно на словах:
«Возвестим же безбрежный простор,
возвестим же свободу в сердцах!»

Но другое ответит: «Затвор
дорог нам. Пусть и холод, и страх,
но дадим мы жестокий отпор».

И наступит торжественным днём
после долгой, тяжёлой борьбы
час победы и смерти. Кругом

Под тревожные звуки трубы
разыграется, вспыхнет огнём
бой, когда не уйти от судьбы.

На далёком распутье святом...

СВЕТЛАЯ ВЕРА

Мир одряхлел, грядут иные дни,
вдруг раскуются и падут оковы.
И где лежат развалины одни,
там Истине алтарь воздвигнут новый.

Светило прочь прогонит темноту,
лучами небосвод обнимет сонный.
Под стяги, что целуют высоту,
бесчисленные встанут легионы.

В глазах лучи играют взапуски,
и больше не пугает встреча с Тьмою,
что выйдет единенью вопреки,
отбросив тень зловещую. Пустое!..

Всё решено, назад уж не свернуть.
Вот виден берег в пурпуре и злате...
О, вера светлая в прекрасный путь!
Как сердцу радостно в твоих объятьях!

ИЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Амбер Самен

АМЕТИСТ

Вечер тянулся античный. Тьма затопила орешник.

Кротким повержены Богом, грозные боги поспешно
Славный Олимп покидали, чтобы исчезнуть совсем.
И у подножья Олимпа нимфа рыдала, меж тем.
А над бушующим морем алой зарёю утешной

День занимался. Тревоги неизъяснимой полны
Ветви дубов шевелились, чая видений кромешных.
На освящённых озёрах венчики лилий безгрешных
Полнили Ангелы светом, словно прекрасные сны.

Шеи голубки нежнее небо рассветное стало...
Хрупкая нимфа, прикрывшись длинных волос покрывалом,
Бледные Флоры дары в дивный вплела амулет.

Невдалеке в полумраке прятался Фавн безутешный,
Слёзы туманили горько глаз фиолетовых свет.
Доброй эпохи последним было то чувство, конечно...

Вечер растаял античный. Свет воцарился Нездешний.

ГОТОВАЯ ТРАПЕЗА

Ах, дочка! Оставь ты иголку и шёлк!
Хозяина встретить достойно – наш долг.
Немало придётся усилий затратить,
Набрось-ка на стол белоснежную скатерть!
Расставь-ка посуду, а в чашу сложи
На лист винограда душистый инжир.
И персик, чей бархат, как девичья кожа,
И горсть виноградин, что с золотом схожи.
И ломтики хлеба подать не забудь,
Да выгнать из комнаты мух как-нибудь.
На улице жарко. Мы ставни закроем –
Окутает залы прохладным покоем.
Столовая пусть, погрузившись во мрак,
Исполнится фруктов дыханьем. Итак,

Ступай-ка на двор, зачерпни там водицы,
В кувшине студёной вода сохранится.
И пусть ледяным остаётся кувшин,
Пусть падают капли с его боковин.

Марль Неконн де Анно

КОРОНОВАНИЕ ПАРИЖА

Ночь сто вторая тягостной осады,
Ночь из ночей великой той зимы,
Парижа стены в пене снегопада,
Бушующего, словно буруны.

И мачтами зловещими невольно,
Что в бурю растеряли паруса,
Казались чёрные, худые колокольни,
Кресты воздевшие в пустые небеса.

Хоромы древние похожи на гробницы,
Леса, деревни, замки и сады —
Под ливнем бомб им суждено дымиться,
Войны вкушая горькие плоды.

В окопе тесном, где промёрзли стены,
Седая изморозь, придя на смерти зов,
Узором кроет лбы, негнущиеся члены —
Плоть стылую кровавых мертвецов.

Снаряды варваров пробили эти груди
И разорвали храбрые сердца.
Хоть до сих пор штыки им руки нудят,
Они завидного сподобились конца.

А ветер, пролетевший над равниной,
Принёс проклятья. С ненавистью он
Ревёт и воет. Яростью гонимый,
Ворваться хочет в мрачный бастион.

И пушки неуклюжие бичует,
Что на лафетах бодрствуют всегда.
И в жерла их разверстые он плюет.
Но неподвижна пушек череда.

И с грохотом он катится по крышам
Унылых и пустующих домов,
Откуда плач сиротский ясно слышен,
Слышны стенанья неутешных вдов.

Где на груди у матери голодной
Младенец замерзает. И в тоске
Над ним отец склонился безысходно,
Оружие сжимающий в руке...

СЛОНЫ

Песок пурпуровый, как море без границ,
Что в ложе пламенеет неподвижно.
И медный пар над ним клубится пышно,
Слагаясь в контуры блистательных столиц.

Безжизненно, бесшумно. Сытый лев
Покойно спит во тьме своей пещеры.
Под взглядом немигающим пантеры
У пальмы пьёт жирафа, замерев.

И в раскалённом воздухе густом
Не в силах птицы взмахивать крылами.
Змея, уснувшая под яркими лучами,
Сверкнёт чешуйчатым, узорчатым бочком.

В час, когда жаром пышут небеса,
Всё дремлет в одиночестве угрюмом.
Идут слоны наперекор самумам
Туда, где кончится пустыни полоса.

Громады тёмные, заложники песков!
Из грозного семейства самый юный
Ногой тяжёлой сокрушает дюны –
Творенья прихотливые ветров.

Идут они за старым вожаком,
Чью кожу чёрную нещадно грызло время.
Как горная вершина его темя,
И солнце прячется за выгнутым хребтом.

Без остановок и без суеты
Ведёт вперёд он компаньонов пыльных,
Тех путников медлительных и сильных,
Что неустанно бороздят песков пласты.

Задумчиво бредут, глаза прикрыв.
Свисают хоботы, лениво реют уши...
И сотни мошек, тишину нарушив,
В бока вонзаются наперерыв.

Но что им жажда? Что мушиный писк?
Что солнце, обжигающее спины?
В мечтах увидят дивные картины:
Смоковниц тень, алмазы водных брызг,

В реке прохладной, порождённой ледником,
Гиппопотам неповоротливый резвится,
Лишь под луной вода засеребрится,
Слоны на водопой сойдут молчком...

Так лентой чёрною по бархату песка
Плывут они туда, к мечте заветной.
И станет вновь пустыня неприветной,
И воцарится неподвижности тоска.

Поля Верлен

ВЕЧЕРНИЙ СУП

В тесной каморе темно и не топлены печи.
Усталый, продрогший, вернулся хозяин под вечер.
Неразговорчив – и слова не скажет на дню.
Бойтся жена, только шикает на ребятяню.

Некогда белые шторы, стулья и койка,
Стол хромоногий, разбитый сундук – вот и только!
В комнате грязь и убожество, холод и смрад.
И Нищеты неустанный за всеми пригляд.

Статный красавец с открытым лицом, на котором
Разум прописан. С горящим, осмысленным взором.
Взор его мрачен и полон тревоги всегда...
Красива жена и пока что ещё молода.

Но Нищета уж простёрла над ними десницу.
Горек её приговор, нелегко с ним смириться.
Сколько пройдёт ещё времени – год или два? –
Каждый из них человека напомним едва.

Сели за стол, где у всех свои миска и ложка.
Суп у них к ужину, также и мяса немножко.
Лампу зажгли – да на лампе разбитый колпак –
Тени сложились на стенах в зловещий зигзаг.

Дети, хотя и бледны, но крепки и здоровы.
Бледности детской причины, конечно, не новы:

Видно, нередко не топится печь в холода;
Да и в жару не пускает за город нужда.

Мечется пламя, и отблески всюду блуждают:
Вот и ружьишко, что время и ржа доедают,
Тут же разбитый сундук, где, уж точно, на дне
Пара брошюрок сокрыта, научных вполне.

Если жандарм их обыскивать вздумает часом,
То на кровати под тощим и пыльным матрасом
Он обнаружит затёртый до дырок роман,
Книгу из тех, что глотать заставляют дурман.

Ложка за ложкой хлебают дрянную похлёбку.
Чтобы насытиться, муж собирает поскрёбки
С диким и сумрачным видом, рядом с ним нож –
В свете обманчивом на душегуба похож.

Мечтает жена о какой-то старинной подруге,
Счастливой франтихе, богачке, известной в округе.
Дети устали и трут кулаками глаза,
Вот уже первая в миску упала слеза...

Жюльен Корбьер

МЕРЗКИЙ ПЕЙЗАЖ

Над развеянным прахом опять
Похоронного звона волна.
Чтобы ночь кое-как скоротать,
Червяков пожирает луна.

Где-то проклятый спит домовой,
Ухмыляется злобно чума.
А в зловонной траве луговой
Зайца-знахаря спрятала тьма.

Мертвецов панталоны и блузки
Разложила сушить Трясогузка.
Смотрит солнце волчье вниз,

Как малютки, смердящие жабы
На поганки вскарабкались, дабы
Заунывный пропеть вокализ.

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Станислав Пенев

* * *

Мы виноваты все. Я всех простил
За каждого, за тех, кто не успел...
И у причала дай нам, Боже, сил,
Чтоб уцелеть, чтоб свой постичь удел...

Но вот наступит миг, и час пробьёт,
И с корабля нам подадут сигнал.
Терпи – мы у судьбы наперечёт,
Не на земле наш следующий причал...

ТРЯВНА

Николе Радеву

Ты на пороге в старых башмаках...
Куда идти?... К вершинам под снегами?..
Где скалы утопают в облаках,
Где птицы с распростёртыми крылами...

Где тишина над пропастью всегда,
Где камень есть прибежище стихии,
Что осеняет нас порою, и тогда
Меж нас встают повстанцы и витии.

И, может, среди глубокой тишины
Мы станем частью времени и света.
Здесь всякий луч белее белизны,
Здесь небеса под вечностью согреты.

Лилка Павлова

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

шепчутся листья ветром гонимые
песенным вихрем наверно их носит
помнятся ещё звоны сверчков
и аромат сенокоса
бегут листья ласкаясь словно влюблённые

и звучные соловьиные напевы
слышу в их танце
в ритме их – дыхание июльских вечеров
мечта о безумных ночах
жду с нетерпением
вслушиваюсь в себя
когда же отойдёт моё лето?
тихо оплакиваю упущенное
так и я уйду когда-то.

ЧУДО

девушка на площадке
кормит голубей...
ветер развеивает волосы
цвета спелой пшеницы
и солнечный луч игриво
заглядывает ей в глаза.
а под блузкой
нежная грудь
поднимается от сердцебиения
как от волны прилива.

на краю скамьи
один парень жадно глотает
опьяняющий аромат
женской плоти
смешанный с ароматом
петунии...
и точно от прикосновения неведомой силы,
весело запел фонтан.

и случилось чудо –
под куполом небес точно в храме
от встречи взглядов
родилось чувство.

Тенка Богданова

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я знаю: я буду на этой планете,
вернувшись как зёрна на тучное лоно,
как солнечный луч и как солнечный ветер,
что звездную пыль перенёс с небосклона.

Любовь мне поможет вернуться обратно!
Любовь к несравненному отчему краю.
Раскинулось небо над ним необъятно...
Пестреют поляны, расцветшие в мае ...

И море заставит вернуться обратно –
всё то, что любила, взовёт ко мне. Или
всё то, что мне в сердце вошло безвозвратно
однажды подарит мне гордые крылья!

